3 6 — 1976

ЗА РУБЕЖОМ

«Стремиться к содержательности и простоте...»

Развитие прогрессивного реалистического направления в театральном искусстве Италии послевоенного периода неразрывно связано с именем Джорджо Стрелера, основателя и руководителя одного из наиболее популярных в стране драматических театров — миланского «Пикколо театро». В своем творчестве, которое постоянно отмечено поиском новых выразительных средств, известный режиссер стремится отражать важнейшие явления современной действительности, помогать людям находить ответы на волнующие их вопросы. Как подчеркивает сам Стрелер в интервью французскому еженедельнику, одним из важнейших принципов при этом для него остается доступность и ясность языка, на котором он ведет разговор со зрителем.

Джорджо Стрелер во время репетиции.

«Нувель литтерэр», Париж.

«НУВЕЛЬ ЛИТТЕРЭР», ПАРИЖ.

— В 1947 году вы вместе с Паоло Грасси решили основать «Пикколо театро» в Милане. Чем было продиктовано такое решение?

— Как и многие актеры моего поколения, я мечтал о подлинно народном театре. В 1947 году после двух десятилетий фашизма итальянский театр пребывал в состоянии полного упадка: необходимо было бороться против старой традиции актеров-«звезд». Нужно было покончить с предрассудками, ввести новый язык, новый стиль игры, а главное, обратиться к новой проблематике.

— Можно ли сказать, что создание «Пикколо театро» было своего рода революцией в театральной жизни послевоенной Италии?

— Думаю, что да. «Пикколо театро» стал первым стационарным драматическим театром в Италии (до этого все труппы были передвижными), а также первым субсидируемым театром. По-моему, невозможно быть настоящим режиссером, не имея постоянного рабочего места и коллектива. Я верю прежде всего в «театр-дом». Брехт, у которого я всегда учился, тоже верил в это.

— Какую линию избрали вы для себя как постановщик и как руководитель коллектива?

— На первых порах наш театр был довольно эклектичен. Нам хотелось поскорее наверстать упущенное время. Я обращался одновременно к самым разным авторам — к Пиранделло, О'Нилу, Камю, Горькому, Шекспиру, Софоклу, Чехову, Брехту... Не обходилось без провалов, неудач. Будучи учеником Жуве (известный французский актер и режиссер.— **Ред.**), одно время я считал, что театр должен быть открыт для всего, то есть что ради интереса, разнообразия тематики можно поступиться кое-какими из своих убеждений. Только позднее я осознал, что недостаточно считать себя, как говорил Жуве, некой «резонаторной коробкой», в которую помещается данное произведение. Смысл в том, чтобы в работе постоянно быть самим собой, со своими политическими взглядами, и оценивать произведение с критических позиций. Это значит вступать с произведением в диалектические отношения. Театр — это деятельность, преследующая определенную цель.

— Какую именно?

— Во всяком случае, не просто поучать. Чисто дидактический театр мне чужд.

— Странно слышать это от человека, считающего себя учеником Брехта...

— Ничего подобного. Брехт отнюдь не занимался голой дидактикой. В своих пьесах он просто выразил то, что думал по определенным вопросам,— ясно и в законченной художественной форме. Я, со своей стороны, тоже стремлюсь к размышляющему, понятному театру, к человеческому театру, где публика может найти себя, где между сценой и зрительным залом происходит диалог, в котором поднимаются проблемы личности и общества в наше время. Меня интересует человек в его исторической реальности...

— На каких драматургах вы останавливаете свой выбор в последнее время?

— Последний период моей творческой деятельности проходит под знаком Гольдони. Его пьесы мы включили в свой репертуар потому, что в них прекрасно выражены теплые чувства к народу. Именно поэтому они так нужны нам в сегодняшней борьбе, так актуальны, хотя и написаны два века тому назад.

— Помимо Гольдони, ваш любимый драматург — Чехов. Двадцать лет назад вы поставили «Вишневый сад». Сегодня вы вновь обращаетесь к этой пьесе?

— Любая постановка—лишь этап в процессе раскрытия произведения. Ставя в первый раз «Вишневый сад», я больше всего стремился передать социальную сторону пьесы. Теперь же мне хочется пойти дальше: не только воссоздать конкретную среду, но и передать поэтический язык Чехова, найти новые постановочные средства, дающие простор для фантазии актеров и зрителей.

— Как бы вы определили свое место по отношению к другим течениям в мировом театре?

— Я не считаю, что достаточно появиться на сцене полуголым, чтобы претендовать на создание современного театра. Не считаю также, что, перенеся действие в проходы между рядами стульев или ликвидировав стулья в зале, можно отнести себя к авангардистскому театру. Я выступаю за другой тип подхода к театральному искусству. Для меня важно стремиться к содержательности, простоте и доходчивости.

— До последнего времени ваша творческая жизнь была связана исключительно с театром. Но в феврале будущего года вы, как сообщалось в прессе, собираетесь приступить к съемкам фильма по роману Карло Кастанеллатте «Ночи и облака». Означает ли это перемену в ваших увлечениях?

— Действительно, все эти годы я был всецело поглощен театром. Причем порой сталкивался с такими трудностями в осуществлении своих замыслов, что, честно говоря, у меня не оставалось времени не только на работу в кино, но и просто на личную жизнь. Сейчас я решил снять фильм не потому, что у меня появилось больше времени, а как раз наоборот — потому что время мчится, уходит, и мне хочется, пока я еще полон энергии, успеть предпринять эту попытку.

— Почему вы остановили свой выбор именно на романе Карло Кастанеллатте?

— С точки зрения формы эта книга содержит большие возможности для кинематографа. Но главное — сама тема. Роман повествует о последних днях фашизма в Италии, о периоде, который я очень хорошо знаю, поскольку пережил его сам. Действие происходит в Милане, городе, который, можно сказать, у меня «в крови». Мне кажется, что я смог бы рассказать с экрана эту историю так, словно она написана мной самим

— Чего вы ждете от первой встречи с кино?

— Хочу выяснить для себя, в какой степени опыт театрального деятеля может быть применен к экрану; открыть для себя радости и сложности новой для меня деятельности.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО